

полиции и властей, то люди перегрызлись бы, как дикие звери, и что если бы государственная власть вдруг рухнула, то на земле водворился бы полный хаос. Так нас учили; а мы, как добрые школяры, так и твердим вослед за «большими». А между тем мы проходим, совершенно не замечая того, мимо тысяч различных учреждений, созданных людьми без всякого вмешательства закона, - учреждений, которые достигают гораздо более значительных результатов, чем все то, что происходит под правительственной опекой.

Откройте любую ежедневную газету. Ее страницы посвящены почти исключительно действиям правительства и политическим соображениям. Прочти ее какой-нибудь китаец, - и он подумает, что в Европе ничего не делается без приказа свыше. Но попробуйте найти в такой газете что-нибудь, касающееся тех учреждений, которые возникают, растут и развиваются помимо правительственных предписаний, - и вы не найдете ничего или почти ничего. Если в ней и есть отдел «Разных происшествий», то только потому, что они имеют касательство к полиции. О какой-нибудь семейной драме или о каком-нибудь акте протеста упоминается только в том случае, если в дело вмешалась полиция.

Триста пятьдесят миллионов европейцев живут изо дня в день, любя или ненавидя друг друга, работают или прокучивают свои «доходы», страдают или наслаждаются жизнью, но их жизнь (если не считать литературы, театра и спорта) остается совершенно неизвестной для газет, покуда в нее так или иначе не вмешается правительство.

То же самое можно сказать и об истории. Мы знаем до мельчайших подробностей жизнь какого-нибудь короля или парламента; история сохранила для нас все хорошие или дурные речи, произносившиеся в разных говорильнях и - как заметил мне один старый парламентарный английский политик, - никогда еще не повлиявшие при голосовании ни на один «голос». Визит, сделанный одним королем другому, хорошее или дурное расположение духа того или иного министра, его остроты и его «интрижки» - все это тщательно сохраняется историею для потомства. Но попробуйте восстановить повседневную жизнь средневекового города или познакомиться с механизмом того громадного обмена товаров, который происходил между ганзейскими городами, или узнать, как город Руан строил свой собор, не имея на то казенных миллионов, - и вы увидите, как это трудно. Истории известно, в какие дни у такого-то великого короля был насморк, но созидательною деятельностью народа, вне ратуши и парламента, она не любит заниматься. Если даже какой-нибудь ученый посвящает свою жизнь этим вопросам, то его труды остаются неизвестными, между тем как истории политические, которые неверны уже потому, что говорят только об одной стороне жизни обществ, «плодятся год от году», читаются и преподаются в школах.

И, устремив все свое внимание на парламенты, министров и королей, мы даже не замечаем той громадной работы, которая совершается ежедневно повсюду свободными группами людей, - работы, которая именно и составляет заслугу нашего века.

Вот почему мы постараемся отметить хоть некоторые из наиболее ярких проявлений этой созидательной работы и показать, что без всяких правительств люди отлично умеют - если только их интересы не совершенно противоположны - приходить к соглашению для совместного действия, даже в очень сложных вопросах.

Конечно, в современном обществе, основанном на частной собственности, т. е. на грабеже и на узком, следовательно, бессмысленном индивидуализме, этого рода